

Граница и проволока

Галина Пономарева

Возникновение новых государств после развала СССР в 1991 году, установление новых государственных границ, в том числе и эстонско-российской границы, привлекают внимание ученых и к проблеме восприятия границы в 1920–30-х годах в русской культуре Эстонии. Мы считаем, что данный вопрос можно исследовать не только в историческом, но и в семиотическом плане, например, как проблему коммуникации.

Рассмотрим вначале проблему эстонско-советской границы в историческом плане. В 1920–30-е годы Эстония граничила с Финляндией (морская граница), Латвией и СССР (сухопутная граница). Если на границе с Финляндией и Латвией эстонским пограничникам приходилось бороться с контрабандистами, то граница с Советским Союзом была политической. Случаев контрабанды было мало, но зато часто приходилось задерживать нарушителей границы. При этом самыми опасными нарушителями оказывались уголовные преступники и коммунисты, поэтому это была единственная граница, огражденная колючей проволокой (Матиссен 1995, Mattisen 1993, Piirivalvur 1932).

Эстонско-советская граница была установлена в 1920 г. после подписания Тартуского мирного договора. Колючая проволока была проведена эстонскими пограничниками весной 1920 года, а подготовительными работами занималась рабочая дружина, состоящая из русских, бывших военных Северо-западной армии (Свобода России 1920).

Если Эстония хотела создать в пограничной зоне, отстоящей в 10–12 километрах от этнической границы, зону безопасности, удобную для стратегических целей (Матиссен 1995: 72), то Советский Союз, наоборот, хотел образовать красный пояс из русского населения Эстонии, проживающего в пограничной зоне, настроив его просоветски.

Для русского населения Эстонии проведение границы было шоком. За границей осталась часть земли, церкви, кладбища, родственники. Ухудшилось экономическое положение рыбаков, которые уже не могли ловить рыбу по всему Чудскому и Псковскому озеру. Был потерян российский рынок сбыта.

Еще более сложное отношение к советской границе было у эмигрантов, составлявших из 92 тысяч русского населения Эстонии 18 тысяч (к 1932 г. в Эстонии было только 10 тысяч эмигрантов). Здесь на первый план выходили не экономические трудности, как у крестьян, а глубокие политические разногласия с большевиками.

До середины 1930-х годов Советский Союз был совершенно не заинтересован в укреплении советско-эстонской границы. Историк Николай Андреев вспоминал о советской границе в 1927 г.: «На всех границах по-прежнему стояли арки, на западной стороне которых было написано: «Привет трудящимся Запада!», а на внутренней советской стороне: «Коммунизм сотрет все границы!»» (Андреев 1996, I: 231). Второй лозунг выражал надежды на мировую революцию и убежденность в том, что Эстония скоро станет тоже коммунистической страной. Естественно, что проволочные заграждения при этом исчезнут. Проволока — часть буржуазного мира, который должен разрушиться.

Такая же точка зрения на проволоку проводилась и в прокламациях. В 1924 г. (год восстания коммунистов в Эстонии) в газете «Последние известия» появилось сообщение: «Коммунистические летучки вновь появились в Ревеле. Часть из них напечатана в советской России, другая часть, очевидно, в Эстонии. Содержание их — старая песня о том, что эстонский народ начнет благоденствовать лишь после того, как исчезнут между СССР и Эстонией проволочные заграждения.» (ПИ 1924б).

В 1928 году на митингах, организованных на границе советскими пограничниками по случаю 1 мая, «потрясались кулаки в сторону Эстонии и было обещано в скором времени смести проволочные заграждения, дабы и тут создать «рай», наподобие советского» (СНЛ 1928б).

В 1930 году по вине советского пограничника от брошенного окурка сгорели столбы проволочных заграждений. «Советские власти, несмотря на их вину, отказываются, однако, от участия в ремонтной работе» — сообщала нарвская газета (СНЛ 1930). В 1933 году, когда эстонские власти предложили советским погра-

ничникам совместно отремонтировать проволочные заграждения, то «советская пограничная власть отказалась от предложения, саркастически заметив, что “не нуждается в изгороди для скота”» (СНЛ 1933).

Отношение советских пограничников к проволочным заграждениям изменилось в 1936 г., когда “советские пограничники на своей территории тоже соорудили линию заграждений, отстоящую от наших несколько поодаль на советской территории” (СНЛ 1936). Укрепление границы продолжалось осенью 1937 г. “На эстонской границе, в районе Россонь, советские власти приступили к сооружению бетонных блиндажей и проведению новой линии первоначального заграждения. К месту постройки материал доставляется на грузовых автомобилях” (СНЛ 1937). Известно, что в эти годы СССР были укреплены западные границы.

Рассмотрим теперь проблему восприятия границы в плане сознания. В языке русских газет и языке русской литературы Эстонии 1920–30-х годов (эти языки очень близки между собой, поскольку писатели были одновременно и журналистами) эстонско-советская граница наряду с традиционными названиями “граница” и “рубеж” обозначается как “проволока”. В газете “Последние известия” была рубрика “За проволокой”, а в газете “Старый Нарвский Листок” рубрики: “За проволокой” и “Из-за проволоки”. Граница была политическая, и хотя до 1936 г. на границе были проволочные заграждения, установленные только эстонской стороной, никогда не писали “эстонская проволока” или “эстонско-советская проволока”, а всегда “советская проволока” или “красная проволока”.

Там, где проволочные заграждения было трудно провести, границу определяли по ориентирам. Если летом на Чудском озере рыбаки из Эстонии различали границу по маякам, то зимой эстонские пограничники ставили на льду озера еловые ветки, обозначавшие границу. Это была своего рода “проволока”. На болоте в Принаровье проволоки не было, поэтому ягодницы могли случайно оказаться на советской территории. (См., например, газетную статью “Ягодницы очутились за советской проволокой” (СНЛ 1929)).

Рассмотрим теперь семиотическую природу проволоки. Проволока амбивалентна. С одной стороны, она препятствует коммуникации и принадлежит к такого рода границе, как Берлинская стена или Великая Китайская стена. С другой стороны, в колючей

проволоке заложена возможность коммуникации, что связывает ее с телефоном и телеграфом (Тименчик 1988: 153–163). По внешнему виду колочая проволока (если мысленно убрать острые колочки) напоминает провода. В языке 1920-х годов “проволока” и “провода” употреблялись как синонимы. См., например, в повести А. Н. Толстого “Голубые города”: “Вместо базарной площади — широко кругом дымилось черное пожарище, торчали обгоревшие трубы, валялись листы железа и одиноко над пеплом стоял телеграфный столб с повисшими **проволоками**” (Толстой 1983: 45; <выделено мной. — Г. П.>). Провода призваны соединять людей, но проволока с ее острыми шипами их разъединяет. В первой половине 1920-х годов после образования новой границы в Печерском уезде, относившемся до революции к Псковской губернии, в деревнях пели такую частушку: “Кабы не эта граница, / Не железны **провода**, / То ходил бы ко мне дральчик / До кажинны вечера” (Курушев 1926; <выделено мной. — Г. П.>).

Пограничная проволока — канал связи, но однонаправленный. Советская власть воспринимала пограничную зону как агитационную площадку. Помимо советских радиопередач, рассказывающих про “рай” в СССР, агитационную роль играли выкрашенные в красный цвет трибуны, расположенные в нескольких десятках метров от границы, с которых вещали коммунистические агитаторы в дни революционных праздников. “Речи рассчитаны главным образом для разжигания коммунистических идей среди рабочих Нарвы, которые собираются в такие дни у проволоки, правда, далеко не в большом количестве” (Новиков 1927). Просоветски настроенные нарвские рабочие, отправляясь к границе, надевали одежду красного цвета: мужчины — трико, женщины — красные блузы и платочки. Свободой слова среди советских граждан пользовались только пропагандисты. В 1927 году журналист из Эстонии пытался поговорить через проволоку с женщиной, но не получил ответа. “Полковник Л. Трейк объяснил мне о строжайшем запрещении всем пограничным жителям разговаривать через проволоку. За это им грозит суровая кара” (Новиков 1927). В 1930-е годы в период укрепления советской границы возможность общения с советскими людьми была сведена к минимуму, поскольку “в полосе эстонской границы были выселены и ликвидированы почти все деревни и хутора” (Маттисен 1995: 72).

Общение происходит там, где нет проволоки: на озере и на болоте. Коммуникацию осуществляют и те, кто проводит людей через границу или сам нарушает линию границы: проводники, контрабандисты, шпионы, коммунисты, просто перебежчики.

В особом положении находились советские пограничники. В отличие от телеграфистов и телефонисток, которые соединяют людей между собой, их функция, — препятствовать коммуникации. Советский пограничник — амбивалентный образ. Это чужой, которого вначале принимают за своего, потому что он русский. В рассказе Петра Алексеева “Грехи отцов” сын эмигранта, выросший на чужбине, тоскует по родине и вместе со спутником переходит границу. На советской стороне границы он встречается с пограничниками. “А всадники уже подле — **русские** <выделено мной. — Г. П.>. И хочется протянуть им руки: обнять — рассказать, как много накопилось на душе страданий в тоске по родной земле; по ним — этим всадникам, но... Мрачен и чужд вид всадников. Злое светится в их глазах. Тайна в сердцах их, а на восторженные крики пришедших ответом служит циничный, угрожающий смех” (Алексеев 1934: 2). Оба юноши были расстреляны пограничниками.

В газетных сообщениях советский пограничник — это человек, который отводит перебежчика в тюрьму, истязает его. Приведу только один пример. В 1931 г. газета “Старый Нарвский Листок” сообщала: “Недавно в Ямбургском районе, недалеко от эстонско-советской границы, имел место жуткий самосуд. Советскими пограничниками был арестован перебежчик, который был заключен в тюрьму. Несчастного зверски избили и мучили. В конце концов истязуемого привязали к бревну, которое волочила за собою лошадь. Подобная пытка продолжалась до тех пор, пока несчастный не испустил дух” (СНЛ 1931). Пограничник играет в сознании русских роль палача и тюремщика.

По-иному воспринимаются нерусские пограничники. Среди советских пограничников, служивших на советско-эстонской границе, было много солдат азиатского происхождения. В 1923 году после открытия нового нарвского моста эстонскими журналистами “совершена была поездка до советской границы, где воочию могли убедиться в правильности передаваемых сообщений о наличии значительного количества инородцев в красной охране. Около половины состава поста пограничной службы состоит из монголов” (ПИ 1923). Журналисты видят пограничников

на расстоянии. Их национальность они не знают и судят только по монголоидным чертам лица. Но само наименование пограничников “монголами” навеивает цепь ассоциаций о большевистском иге, которое в эмигрантской печати часто сравнивали с татаро-монгольским игом. Граница между Эстонией и Советским Союзом воспринималась как граница между Западом и Востоком. Английский историк А. Тойнби писал о СССР 1920–30-х годов: “В своих предвоенных границах Советский Союз в отличие от прежней Российской империи лежал в основном вне пределов Европы, ибо на той стадии не включал в себя цепь стран с западной культурной традицией, которые, собственно, и вводили Российскую империю в сообщество европейских государств” (Тойнби 1995: 81). (У Тойнби речь идет о республиках Прибалтики, Финляндии и Польше). Советскую границу между Западом и Востоком охраняют красные монголы, т.е. большевизм ассоциируется с татаро-монгольским игом.

Ю. М. Лотман в статье “Понятие границы” связывал границу с противостоянием двух пространств: внутреннего (“своего”) и внешнего (“их”) (Лотман 1996: 175). Выведение Занаровья и Печорского края из состава Петербургской и Псковской губернии и введение их в состав Эстонии, с одной стороны, было перемещением их в “чужое” пространство, а, с другой стороны, существование русских деревень с прежним дореволюционным укладом жизни на окраинах бывшей Российской империи, сохраняло “свое” пространство в “чужом”. С 1924 г. в официальных сношениях Советского Союза с другими странами слово “Россия” было заменено словом “СССР” (ПИ 1924а). В Советском Союзе же все, что было связано с дореволюционной Россией, с православием, подвергалось уничтожению и осмеянию. И обломки старой России, сохранившиеся в приграничных странах, были русским эмигрантам, жившим вдалеке от России, намного ближе, чем СССР. Так, в начале 1930-х гг. Эстонию посетила журналистка из Бельгии Зинаида Шаховская. Она не была в России с 1920 года и в какой-то мере поездка в Эстонию была для нее и посещением старой России. Через много лет она вспоминала: “Три дня провела в Печорах — в России — не скрою, почувствовала себя там больше на родине, чем в Москве в 1956 году” (Шаховская 1991: 289).

Граница изменила восприятие пространства. Телефон, телеграф, с которыми связана проволока, помогают преодолеть про-

странство. Колючая проволока, наоборот, препятствует его преодолению. От Нарвы, входившей до конца 1917 г. в состав Петербургской губернии, до Петербурга всего 120 километров. Бывший петербуржец, известный критик и журналист Петр Пильский, проходя в 1923 году по железнодорожному мосту в Нарве (а железнодорожная дорога от моста вела в Россию, к Петербургу) размышляет: “Все время кажется, будто между когда-то великолепным царственным городом, величавой Петровской столицей и этим мостом пролегло тысячное непобедимое пространство. А ведь до Петербурга отсюда, поистине, рукой подать” (Пильский 1923). Как бы частью проволоки является и окрашенный в красный цвет шлагбаум, стоящий на границе рядом с проволочным ограждением и останавливающий на время движение поезда или машины, пересекающих границу.

Проведение границы изменило и восприятие времени. Для детей, воспитывавшихся уже в Эстонии, события, происходившие незадолго до революции 1917 года, воспринимались также, как исторические события, происходившие несколько веков назад. Тамара Петровская-Халили, вспоминая детство в Эстонии, писала: “Для нас, выросших уже вне России, то, что было до революции, или то, что происходило при Тишайшем царе, — приблизительно одно и то же. По ощущению давности и реальности разницы не было” (Петровская-Халили 1994: 22). Совсем другое ощущение времени было у русских эмигрантов, покинувших Россию в годы гражданской войны. Они воспринимают все, происходившее до революции, как совсем недавнее прошлое. Эмигранты не понимают, что возник не только пограничный, но и временной барьер. Кажется, что еще совсем недавно они расстались со своими родственниками и друзьями в России, но за это время их родственники и друзья убиты или высланы или живут в нужде в коммунальных квартирах. И сам эмигрант для советской власти — “чужой”. Попытки не видеть этого временного барьера кончаются крахом. В рассказе Владимира Гущика “На озере” изображен простой деревенский парень Никанор, служивший в годы гражданской войны у белых. Он живет в Финляндии на берегу озера у кладбищенского сторожа Яна и страстно тоскует по России, хотя живет в эмиграции уже шестой год. Парень решил вернуться в Россию. Никанор переходит границу и оказывается снова на родине. “Ему казалось, что не дальше как только **вчера** <выделено мной. — Г. П.> он ушел из

деревни и вот сегодня с рассветом войдет в родную избу и заживет своей прежней крестьянской жизнью” (Гущик 1929: 118). Его эйфорическое настроение быстро исчезло после встречи с советскими пограничниками. Никанора посадили в чулан. Парень услышал, что получен приказ его расстрелять и, вышибив замок, сбежал из чулана. Он снова переходит границу и возвращается жить к сторожу Яну. После пережитой трагедии для Никанора время, связанное с деревней под Череповцом, с Россией — это уже не “вчера”, даже не пять лет назад, а какое-то нереальное прошлое, близкое ко сну. “Теперь родина была далеко, и уже казалось, что вся его жизнь прошла около Яна, а деревня, Череповец и Россия были где-то во сне” (Гущик 1929: 121). Восприятие времени взрослым человеком в рассказе Гущика приближено к восприятию времени русскими детьми, выросшими вне России.

Пограничная проволока в сознании русских Эстонии полисемантическая. В конце 1919 года, когда официально установленной границы еще не было, перейти проволочные ограждения, отделяющие эстонскую территорию от России, для беженцев, отступающих вместе с Северо-западной армией, означало одно — спастись от большевиков. Семья беженцев Сидяковых, благодаря пропуску, проходит через проволочные ограждения. В грязной одежде, с мешками они бредут по Ивангороду. “Направо и налево тянулись заборы, деревянные дома <...> Начали попадаться вывески, преимущественно русские, с такими для нас, выходцев из “советского рая”, дикими надписями, как “чайная”, “трактор”, “торговля разными продуктами” и т.д. Как-то вдруг почувствовалось, что мы вступили в другой мир, резко отличный от того, который остался сзади, за проволокой, и что эта проволока окончательно ставила границу между нами и большевиками” (Сидяков: 283). Если попасть в Эстонию через проволоку — спастись от большевиков, то быть высланным за проволоку — погибнуть от рук тех же большевиков. Вскоре после окончания гражданской войны было 150 случаев высылки русских эмигрантов в советскую Россию. Комитету русских эмигрантов в 135 случаях удавалось отменить или смягчить меру. Купеческая семья Сидяковых, благополучно перешедшая через ворота в проволочных ограждениях, тоже подлежала высылке, но им удалось уехать в Латвию. Сергей Сидяков вспоминал: “Если бы мы не нашли, куда выехать, то нас должны были доставить по этапу на

советскую границу и выдать большевикам, т.е. на верную смерть” (Там же: 315). Теперь мы можем определить значение выражения “**выслать за проволоку**” — “выслать на смерть”. Такую же семантику имеет этот оборот речи в художественной литературе. Эпизод высылки за проволоку мы находим в романе А. Чернявского-Черниговского “Семь лун Блаженной Бригитты”. В романе изображены бывшие белогвардейцы-летчики, которые пытаются завладеть царским золотом, привезенным большевиками в Таллинн. В какой-то момент пропадает один из бывших офицеров. Его другу в Таллинн позвонили из нарвского отдела комитета русских эмигрантов. В отдел проходим был доставлен раненый поручик Ганжулов. “По его словам, его **выслали** накануне **за проволоку**. Но эстонский пограничник, узнав, что он бывший белый офицер, сжалился над ним. В стороне от дороги, он вывел его за проволочное ограждение и там оставил, вместо того, чтобы передать красным. Красная стража заметила беглеца. Стреляла. Раненый, он прополз в болоте под проволочными заграждениями на эстонскую территорию. Ночью, кое-как перевязав свои раны, пришел обратно в Нарву. Случайные прохожие доставили его в комитет” (Чернявский-Черниговский 1938: 348; <выделено мной. — Г. П.>). Случаи высылки “за проволоку” характеризуют неустойчивое положение эмигрантов в 1919–1920 году, когда они враги для большевиков и “чужие” для эстонцев.

В русских газетах Эстонии пограничная проволока постоянно сравнивается с проволокой концентрационных лагерей в СССР или с советской тюрьмой. Вот характерный пример: “Обстоятельства, в которые попала несчастная Россия при большевиках, поразительно напоминают условия концентрационного лагеря. Красные границы превратились в колючую проволоку огромной тюрьмы” (Орский 1922). Газеты буквально пестрят сообщениями об эстонских гражданах, случайно перешедших границу, а затем попавших в тюрьму или на Соловки (СНЛ 1932а, 5; СНЛ 1939).

Можно выделить еще одно значение пограничной проволоки — изгородь для скота, связанное с ее первоначальным предназначением. В эстонских русских газетах указывалось, что колючую проволоку изобрел в 1874 г. американский фермер Глиден, и вначале она получила широкое распространение на сельскохозяйственных фермах, где ею окружали большие пространства (СНЛ 1940). В какой-то мере пограничная проволока вы-

полняла и эту функцию, поскольку границу довольно часто переходили как дикие, так и домашние животные. В метафорическом значении употребляют это выражение советские пограничники, заявляя, что «не нуждаются в этой “изгороди для скота”» (СНЛ 1933). В 1928 г. советский спекулянт, отбывший наказание в тюрьме, был доставлен на советскую границу и, несмотря на его протесты, ему было приказано перелезть через проволочные заграждения. “Павлов упирался и советские пограничники силой протолкнули его через колючую проволоку, на которой в ключьях осталось висеть его платье” (СНЛ 1928). Мир границы — жестокий мир, в котором как нарушители, границы, так сами пограничники уподобляются животным. В рассказе В. Гущика “На озере” чуть не расстрелянный советскими пограничниками Никанор снова переходит границу, возвращаясь в Финляндию. “Никанор, как **собака** кинулся в соседний кустарник и, припав на живот, быстро пополз к проволоке. Он полз, как преследуемое **животное**, распростершись на мокрой траве, напряжив все мускулы, и от страха и злобы скалил зубы, готовый к любой борьбе” (Гущик 1929: 120; <выделено мной. — Г. П.>). У Гущика не только его Никанор, чтобы спасти свою жизнь, ведет себя, как животное, но он видит таких же животных в чуть не расстрелявших его пограничниках: “Скоты! Скоты! Звери-анафемы!” (Там же: 121).

Можно выделить еще одно значение проволоки — решето. После заключения Тартуского мирного договора с Россией в 1920 году Эстония была одной из тех пограничных стран, которые должны были стать барьером от большевизма. Пограничные страны стали санитарной зоной, кордоном между Западом и Востоком. Положение лимитрофов было нелегким, если принять во внимание активную деятельность Коминтерна под руководством Г. Зиновьева в первой половине 1920-х годов, когда под предлогом распространения мировой революции были совершены попытки революционного переворота в Польше, Болгарии, Германии, Бессарабии и Эстонии. В редакционной статье газеты “Последние известия” “Будто без проволоки” показано, что колючей проволокой, отделяющей пограничные страны от агрессивного красного соседа, недостаточно. Если Западная Европа, у которой на границах не митингуют коммунисты, успокоилась, решив, что проволоки достаточно, то пограничные страны думают по-другому. “Стала проволока, как дырявое **решето**”

пропускающее в Европу и агитаторов, и пропагандистов, и шпионов, и спекулянтов” (ПИ 1924в; <выделено мной. — Г. П.>). Интересно, что эта статья написана за две недели до вооруженного коммунистического восстания 1 декабря 1924 года в Эстонии, когда большинство коммунистов прибыло из России по поручению III интернационала, перейдя проволоку.

С образом **сита** — частого решета, наоборот, связывается мысль о возвращении эмигрантов в Россию. В рассказе В. Гущика “Колесо жизни” бывший ротмистр, эмигрант Сытин буквально клеймит русскую эмиграцию: “Жизнь наша кончена. Жизнь начнется там после коммуны, но и России, даже, если она выйдет на чистый путь, такого говна, как эмиграция, не нужно. Эмиграцию будут процеживать через пограничную проволоку, как через **сито** и девяносто процентов могут рассчитывать на вечное шатание по чужим землям” (Гущик 1931: 108; <выделено мной. — Г. П.>).

Россия на чистый путь не вышла, но после июня 1940 года, когда в советской Эстонии начались аресты, русскую эмиграцию стали действительно “процеживать”. Ю. Иваск писал: “Исчезали преимущественно русские: в первую очередь, крестроссы, младороссы, заправили Обще-Воинского Союза” (Иваск 1987: 136). Тех, кого не расстреляли, отправляли через пограничную проволоку (в первый год советской власти в 1940–1941 году жителей Эстонии в Россию не пускали и граница зорко охранялась советскими пограничниками) в Сибирь за проволоку концлагерей.

Ю. И. Абызов писал о Державе, догнавшей беглецов в 1940 г. в Прибалтике (Абызов 1997: 20). Русского эмигранта, историка Николая Андреева, выпускника Таллиннской русской городской гимназии, Держава догнала через 5 лет в Чехословакии. В 1945 году в Праге повторился процесс процеживания: “Еще более откровенно, чем нацисты, коммунисты начинают процеживать население сквозь свое **решето**. В этот момент чехи еще не находятся под их контролем, но русская эмиграция уже всецело в лапах советских контролеров” (Андреев 1996 II: 202–203; <выделено мной. — Г. П.>).

Ю. М. Лотман писал о границе: “Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой — соединяет” (Лотман 1996: 183). Проволоке как метафоре границы присущи те же черты. В написанной в эссеистическом духе статье Ярослава Воинова “У венца тернового” выведен религиозный аспект

пограничной проволоки, редко встречающийся в русских газетах. Колочая проволока — венец терновый “на России, во Христа облеченной” (Воинов 1922). В эссе изображен старик, который восстанавливает кресты неподалеку от границы. Он говорит о необходимости проволоки как символа страдания: “Без тернового венца не по Христову было бы. Без крестной муки — не Голгофа. А без того и другого — нет надежды на воскресение. Ни Россию от мира, ни мир от России железной колочкой не отгородишь, сколько рядов ее не вколачивай. Проволока эта и не пограничная мера и не военная защита. Она — символ. Ее стальные шипы назначены не пролазам по спекулянтскому делу и не передовому солдату с любой стороны. Они для нашей души, для всех, кому заказан путь войти и выйти”. Старик в эссе Воинова, у которого во время гражданской войны погиб сын, надеется, что со временем “злые колочки в сердце” (Там же), которые гораздо важнее пограничной проволоки, у людей отпадут, красные и белые сольются. Здесь дан не только религиозный, но и коммуникативный аспект проволоки. Проволока — то, что объединяет людей, колочие шипы на ней — то, что разъединяет. Соединение людей возможно лишь тогда, когда отпадут шипы.

Подведем итоги. В романе эстонского писателя Эмиля Тодэ “Пограничье” (Tode 1993; Тодэ 1997) Эстония, которая в романе ни разу не называется — одна из восточноевропейских стран. Это Восток. В 1920–30-е годы Эстония была одной из стран Западной Европы, через которую проходила граница между Востоком и Западом. Границей же служила не высокая, хорошо охраняемая Берлинская стена, а колочая проволока, через которую можно было легко перейти. Падение Берлинской стены привело к расцвету демократии и объединению Германии, исчезновение проволоки на эстонско-советской границе, напротив, усилило тоталитарный режим и раздвинуло границы СССР на Запад. Граница возникает вновь там, где есть память о границе. Эту границу помнили русские путешественники, пересекавшие границу реки Наровы в XVIII–XIX веках. Память о границе сохраняли и эстонцы в годы советской власти. Но если в 1920–30-е годы существовала “Россия в Эстонии”, воспринимавшая границу как проволоку, то не менее сложное и болезненное отношение к эстонско-русской границе у русских в Эстонии и сейчас.

Литература

- Абъзов, Ю. (1997). Эскапизм как подоснова русско-балтийского бытия. *Русские Прибалтики. Механизм культурной интеграции (до 1940 г.)*. Вильнюс.
- Алексеев, П. (1934). Грехи отцов. *Панорама*. 3.
- Андреев, Н. (1996). То, что вспоминается. Т. I–II. Таллинн.
- Воинов, Я. (1996). У венца тернового. Последние известия. 13 авг.
- Гушик, В. (1929). Христовы язычники. Таллинн.
- Гушик, В. (1931). На краю. Таллинн.
- Иваск, Ю. (1987). Повесть о стихах. Нью-Йорк.
- Курушев, М. (1926). Современные песни деревни. День русского просвещения. 6 июня.
- Лотман, Ю. (1996). Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. Москва.
- Матиссен, Э. (1995). Эстония — Россия. История границы и ее проблемы. Таллинн.
- Mattisen, E. (1993). *Eesti-vene piir*. Tallinn.
- Новиков, С. (1927). На границе совдепии. Наша газета. 4 окт.
- Орский (Воинов Я.) (1922). Рецепттик самогонки. Последние известия. 26 мая.
- Петровская-Халили Т. (1944). Рассказы о русских людях в Эстонии. “По дороге оттуда”. В Америке. Нью-Йорк.
- Piirivalvur (1932). 1922–1932. Tallinn.
- Пильский П. (1923). Нарва. Статья первая. *Последние известия*. 23 сент. Последние известия 1923 (далее — ПИ). *Открытие нарвского моста*. 13 дек.
- ПИ 1924а. “России” нет — есть “СССР”. 13 февр.
- ПИ 1924б. Хроника. 28 марта.
- ПИ 1924в. Будто без проволоки. 14 нояб.
- Свобода России (1920). На рубеже. 4 апр.
- Сидяков С. Летопись беженства. Публ. Ю. Сидякова.
- Балтийский архив. *Русская культура в Прибалтике*. Таллинн., без г. т. II.
- Старый Нарвский Листок 1928а (далее — СНЛ). *Перешел границу в нижнем белье*. 12 мая
- СНЛ 1928б. *1 мая на советской границе*. 5 мая.
- СНЛ 1929. Ягодницы очутились за советской проволокой. 11 июля.
- СНЛ 1930. О проволочном ограждении. 29 мая.
- СНЛ 1931. Замучили до смерти. 22 окт.
- СНЛ 1932а. Бежал с Соловков. 26 нояб.
- СНЛ 1932б. Мытарства эстонского гражданина в СССР. 8 дек.
- СНЛ 1933. Пограничные столбы нуждаются в ремонте. 11 мая.
- СНЛ 1936. На границах двойные проволочные ограждения. 16 дек.
- СНЛ 1937. Хроника. 4 окт.

- СНЛ 1939. *Нарвлянин о Соловках. Жуткий рассказ бежавшего с советской каторги*. 13 авг.
- СНЛ 1940. Кто изобрел колючую проволоку? 19 июня.
- Тименчик Р. (1988). К символике телефона в русской поэзии. Уч. зап. Тарт. Ун-та. Вып. 831. *Тр. по знаковым системам*. 22. Тарту.
- Тодэ Э. (1997). Пограничье. Пер. В. Рубер. *Дружба народов*, 12.
- Tode E. (1993). Piiririik. Tallinn.
- Тойнби А. (1995). *Цивилизация перед лицом истории*. СПб.
- Толстой А. (1983). Голубые города. *Собр. соч. в 10 тт.* т. 4. Москва.
- Чернявский-Черниговский А. (1938). *Семь лун Блаженной Бригитты*. Таллинн.
- Шаховская З. (1991). *В поисках Набокова. Отражения*. Москва.

Border and the barbed wire

In our article we consider how the Soviet–Estonian border was received by Russian cultural strata in Estonia in the 1920s and 30s not only in a historical but also in a semiotic aspect as a problem of communication. In the texts of Russian writers and in Russian newspapers in Estonia, the Soviet–Estonian border was not only called a ‘boundary’ but also a ‘wire’. The semiotic nature of ‘barbed wire’ is ambivalent. On the one hand it prevents communication which places it together with such boundaries as the Chinese- or Berlin Wall. On the other hand, ‘wire’ can provide communication similarly to the telegraph or telephone. The function of ‘communication providers’ in those cases, however, is different. While the telegraph and telephone help to overcome distance, ‘border wire’, on the contrary, hinders communication. The image of a Soviet frontier guard was also ambivalent. He was simultaneously regarded as ‘alien’ (Soviet) and as one of us (Russian). The reception of time by emigrants and their children was different. For grown-ups pre-Revolutionary life belonged to the recent Past while for their children it was already Pluperfect. We analyse the semantic connotations of the ‘border wire’ in Russian mentality in Estonia. The expression ‘to send beyond the wire’, connected with the repatriation of emigrants to Russia by the Estonian government in 1919–20, meant ‘to send to death’. The ‘border wire’ maintained also its primary meaning: ‘cattle wire’. The ‘barbed wire’ that could be easily penetrated, was compared with a ‘sieve’. Sometimes the religious connotation could also be observed: the ‘barbed wire’ as a wreath of thorns. At the end of the article, the ‘wire’ is characterised in its historical application as an unreliable boundary between East and West in the 1920s and 30s.

Piir ja okastraat

Artiklis vaadeldakse eesti–nõukogude piiri mõistmist 20–30-ndate aastate eesti vene kultuuris ajaloolisest ja semiootilisest aspektidest lähtuvalt kui kommunikatsiooniprobleemi. Eestimaal ilmunud vene ajakirjanduses ja ilukirjanduslikes teostes nimetati eesti–nõukogude piiri tihti *okastraadiks*. *Okastraadi* semiootiline olemus on ambivalentne. Kui traattõke ta takistab kommunikatsiooni ja kuulub selliste piirirajatiste hulka nagu Hiina müür või Berliini müür. Teisalt omab “*provoloka*” *traadi* tähenduses sarnasust telefoni ja telegraafiga kui sidekanal, mis reaalset siiski kommunikatsiooni pigem takistab kui võimaldab. Nõukogude Liit kasutas piiri ühepoolseks suhtlemiseks — kommunistliku propaganda levitamiseks. Selleks puhuks olid piiri lähedusse ehitatud “punased” tribüünid. Bolševike eesmärgiks oli hävitada piir ja muuta Eesti kommunistlikuks maaks. Alles seoses Saksamaa kallaletungi ohuga tugevdab NSVL 30-ndate aastate teisel poolel piirirajatisi. Niisiis, rajades omalt poolt okastraattõkked alles enne sõda, pidas NSVL pikka aega okastraati eesti–nõukogude piiril “võõraks”. 20-ndate aastate alguses eesti piirivalve poolt paigaldatud okastraati ei pidanud “omaks” ka siin elavad venelased. Eesti venelaste jaoks oli okastraat nõukogude poolele kuuluv, ajalehtedes nimetatakse piiri valdavalt “nõukogude okastraadiks” või “punaseks okastraadiks”. “Okastraadi taga” on poliitilised vaenlased, aga samas on sinna jäänud ka “omad”: sugulased, sõbrad, kelledega soovitakse kontakte. Siit ka vastuoluline suhtumine piiri, mis ühtaegu pakub kaitset ja lõhub sidemeid. Väärrib märkimist, et 30-ndate aastate lõpuks oli küllalt ka neid venelasi, kes sümpatiseerisid bolševikele ja kellede suhtumine piiri kujunes sellele vastavaks.

Artiklis käsitletakse seose piiriga ka Eesti venelaste ettekujutusi ajast ja ruumist üldisemalt. Analüüsitakse “okastraadi” tähendusi kui teadvuse probleemi. Väljend “saata okastraadi taha”, mis seostus vene emigrantide maalt väljasaatmisega eesti võimude poolt, omas, näiteks, tähendust “saata surma”. Piiri tähistav okastraat assotseerus NSVL koonduslaagrite okastraadiga, säilitades ka tähenduse “okastraat loomakarja jaoks”. Okastraati võrreldakse ka sõelaga. Harvem seostub ta religioosse sümbolikaga — okastraat kui okaskroon. Artikli lõpus määratletakse okastraati kui ajaloolises mõttes ebakindlat piiri Lääne ja Ida vahel 20–30-ndatel aastatel. Piiri kaotamine Eesti ja NSVL vahel tähendas nõukogude totalitarismi levikut kaugemale Läände.